

Глава I. Россия в начале XIX века. Рождение Революции

Огромная протяжённость страны, немногочисленное, рассеянное по её просторам население, неспособное в силу этого объединиться и дать отпор поработителям, более чем двухвековое татаро-монгольское иго, постоянные войны, мятежи и другие неблагоприятные факторы послужили причинами значительного политического, экономического, социального и культурного отставания России от других европейских стран.

В политическом плане Россия вступила в XIX век при режиме абсолютной монархии (царь-самодержец), опиравшейся на сильную помещичью и военную аристократию, всемогущую бюрократию, многочисленное, преданное власти духовенство и 75-миллионную крестьянскую массу, примитивную, безграмотную и покорную «царю-батюшке».

В экономическом плане в эту эпоху страна находилась на стадии своего рода аграрного феодализма. Города, за исключением двух столиц (Москвы и Санкт-Петербурга) и нескольких других на юге, были малоразвитыми. Торговля и особенно промышленность владели жалкое существование. Подлинной основой национальной экономики являлось сельское хозяйство, в котором было занято 95 % населения. Но земля не принадлежала непосредственным производителям — крестьянам; она находилась в собственности государства или помещиков. Крепостные крестьяне были насильно прикреплены к земле. Помещики унаследовали свои вотчины от предков, которые, в свою очередь, получили их от самодержца, «первого собственника», в награду за оказанные услуги (военные, административные и др.). Господин обладал правом на жизнь и смерть своих крепостных. Он не только заставлял их трудиться как рабов, но мог продавать их, наказывать, мучить (и даже убить, почти без всяких последствий для себя). Это крепостничество, рабство 75 миллионов человек служило экономической основой государства.

Едва ли можно говорить о *социальной организации* подобного «общества». Наверху полновластные хозяева: царь, его многочисленные родственники, пышный двор, высшее дворянство, бюрократия, духовенство, военная каста. Внизу рабы: крепостные крестьяне и городские низы, не имевшие никакого понятия о гражданских правах, никаких свобод. Между ними промежуточные слои: торговцы, чиновники, служащие, ремесленники и т. д., не игравшие большой роли.

Разумеется, культурный уровень подобного общества был невысок. Тем не менее уже в эту эпоху *складываются условия, которые со временем обретут важное значение*: речь идёт о разительном контрасте между простым трудовым населением деревень и городов, нищим и необразованным, и привилегированными слоями, получавшими достаточно хорошее образование. Ниже мы подробнее рассмотрим эту проблему.

Крепостничество было кровоточащей раной страны. Уже в конце XVIII столетия некоторые благородные и просвещённые умы протестовали против существующего варварства. Они дорого заплатили за своё благородство. Одновременно крестьяне всё чаще восставали против своих угнетателей. Кроме многочисленных волнений местного масштаба (против конкретных, слишком лютовавших помещиков), крестьянские массы дважды, в XVII и XVIII веках, поднимали массовые восстания (под руководством Разина и Пугачёва), которые, хотя и потерпели поражение, доставили, тем не менее, немало забот царскому правительству и едва не сокрушили всю систему. Однако следует заметить, что оба эти движения, оставаясь стихийными и несознательными, были направлены главным образом против ближайшего противника: помещиков, городского дворянства и продажного чиновничества. **Идея уничтожения системы в целом и замены её другой, более справедливой и человеческой, не овладела умами восставших**[1]. Затем правительству, при поддержке духовенства и других реакционных элементов, с помощью хитрости и силы удалось окончательно, даже «психологически», поработить крестьян до такой степени, что ещё долгое время не могло быть и речи о любых более или менее массовых народных выступлениях.

Первое сознательно революционное движение против режима — программа которого в социальном плане включала в себя отмену крепостничества и в плане политическом установление республики или, по меньшей мере, конституционного порядка управления — заявило о себе в 1825 году, когда император Александр I умер, не оставив прямого наследника, его брат Константин отказался от верховной власти и её должен был унаследовать другой брат, Николай.

Движение началось не в угнетённых классах, а в привилегированных кругах. Заговорщики решили использовать династические проблемы как повод для реализации своего заранее подготовленного проекта. Им удалось привлечь на свою сторону несколько полков, расквартированных в Санкт-Петербурге (во главе движения стояли офицеры императорской армии.) После недолгого боя на Сенатской площади между повстанцами и войсками, сохранившими верность правительству, восстание было подавлено. **Несколько попыток возмущения в провинции едва начавшись, потерпели крах**[2].

Новый царь Николай I, очень встревоженный этими событиями, самолично руководил следствием. Оно было по возможности тщательным. Искали даже тех, кто хоть в какой-то степени мог сочувствовать движению. «Показательные» репрессии были проведены со всей суровостью. Пятеро вождей движения погибли на эшафоте; сотни людей были брошены в тюрьмы, отправлены в ссылку и на каторгу.

Восстание произошло в декабре, и его участников называли декабристами. Почти все они принадлежали к дворянству и другим привилегированным классам. Большинство получило

блестящее образование. Обладая широким умом и чувствительным сердцем, они страдали, видя, как их народ прозябает в невежестве, нищете и рабстве, пока сохраняется несправедливый и незаконный режим. Декабристы приняли эстафету протеста своих предшественников XVIII века и претворили его в действие. Свою роль сыграло и пребывание многих из них в Европе после войны 1812 года, возможность сравнить относительно высокий уровень европейской цивилизованности с варварскими условиями жизни русского народа. Они возвратились на родину с твёрдым решением бороться против отсталой политической и социальной системы, угнетавшей их соотечественников, и привлекли на свою сторону многих образованных людей. Один из вождей декабристов, Пестель, развивал в своей программе идеи, близкие к социалистическим. Движение поддерживал, впрочем, формально не присоединяясь к нему, великий поэт Пушкин (родившийся в 1799 году).

После подавления восстания напуганный им новый император Николай I установил в России крайне деспотический бюрократический полицейский режим.

Здесь следует подчеркнуть, что между восстаниями крестьян против своих угнетателей-помещиков и одновременном слепым почитанием ими «батюшки-царя» не существовало никакого противоречия. Крестьянские движения, как мы указывали выше, были направлены против *ближайших* врагов: помещиков, дворян, чиновников, полиции. Мысль о том, что зло коренится глубже, в самом режиме самодержавия и находит своё воплощение в царе, главном защитнике дворян и привилегированных сословий, никогда не приходила крестьянам в голову. Они считали царя неким кумиром, существом высшего порядка, стоявшим над простыми смертными с их мелкими интересами и слабостями, вершителем судеб государства. Власти, чиновники и особенно попы сделали всё, чтобы вбить такое представление в голову простых людей. И крестьяне в конце концов поверили в этот миф: царь, считали они, желает им, своим «детям», только добра; но привилегированные слои, стремящиеся сохранить свои права и преимущества, встают между ним и народом, чтобы помешать ему узнать, как народ плохо живёт. (Крестьянская масса пребывала в убеждении, что если народу удастся непосредственно поведать царю о своих нуждах, последнему, обманутому барамы, откроется правда, он избавится от плохих советчиков и всего лживого отродья, будет потрясён нищетой земледельцев, освободит их от ярма и отдаст им землю, которая по праву должна принадлежать тем, кто на ней работает.) Таким образом, восставая порой против наиболее жестоких хозяев, крестьяне смиренно ждали того момента, когда рухнет стена, отделявшая их от царя, и тот установит социальную справедливость. Черпая силы в религиозном мистицизме, они полагали, что страдания — это испытания, ниспосланные им Богом. И с примитивным фатализмом смирялись со своей участью.

Такое состояние ума российских крестьянских масс было весьма характерным для той эпохи. На протяжении XIX века оно только усугубилось, вопреки растущему недовольству и всё более частым индивидуальным и локальным актам возмущения. Терпение крестьян иссякало. Тем не менее, в массе своей они всё более страстно верили в приход царя-«освободителя».

Этот «миф о добром царе» являлся основополагающим фактором жизни русского народа в XIX веке. Без него невозможно понять последующие события. Он позволяет осмыслить некоторые явления, которые иначе остались бы непонятыми. Он в значительной степени

служит объяснением русского парадокса, о котором мы уже говорили и который некогда поразил умы многих европейцев, сохранившись почти до самой революции 1917 года: с одной стороны, немало культурных, образованных, передовых людей, хотевших видеть свой народ свободным и счастливым, людей, воспринявших новые идеи и боровшихся за освобождение трудящихся классов, демократию и социализм; с другой стороны, народ, ничего не делавший для своего освобождения — не считая нескольких малочисленных и незначительных выступлений, — народ, слепо поклонявшийся своему кумиру, лелеявший мечту, не понимавший тех, кто жертвовал собой ради него. Безразличный, не желавший видеть правды, глухой ко всем призывам, он ждал царя-освободителя, как первые христиане ожидали мессии[3].

Версия #2

██████████ ██████████ создал 4 апреля 2025 13:27:03

██████████ ██████████ обновил 5 апреля 2025 21:33:21